

«ТОЛЬКО ТО СЧАСТЬЕ
МОЖНО НАЗВАТЬ ПОЛНЫМ,
КОТОРЫМ ДЕЛИШЬСЯ
С ДРУГИМ»

Беседовала и перевела Елена Омеличкина

БЕСЕДА С ФРАНЦУЗСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ СЕМЬЕЙ –
КОМПОЗИТОРОМ И АРТИСТИЧЕСКИМ ДИРЕКТОРОМ ПАРИЖСКОГО
СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА ЛАМУРЁ И ГЕНЕРАЛЬНЫМ ДИРЕКТОРОМ
NOMAD SYMPHONY ORCHESTRA ПЬЕРОМ ТИЛОЕМ И ГРЕТОЙ КОМЮР-ТИЛОЙ,
ОПЕРНОЙ ПЕВИЦЕЙ (ЛИРИЧЕСКОЕ СОПРАНО) И ДЕКАНОМ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УНИВЕРСИТЕТА ВЕРХНЕГО ЭЛЬЗАСА

— Грета, вы уехали из Польши во Францию в 20 лет. Это был 90-й год, переломное время для всех стран Восточной Европы. С какими иллюзиями вам пришлось сразу же проститься? И какой новый опыт вы обрели?

Г.К.-Т.: Еще задолго до этого Франция и французский язык притягивали меня. Отчасти и потому, что я была влюблена в Пушкина, который нередко писал по-французски, в том же «Евгении Онегине». Мы представляли западные страны особым миром, свободным и успешным. Первое, что я поняла, — наши радужные представления часто оказываются далекими от реальности и, чтобы реализовать задуманное, нужно много работать! Но Франция позволила мне воплотить в жизнь многие мечты, прежде всего потому, что я хотела добиться успеха и положила на это все свои творческие силы. Представьте, я была почти что в ссылке, вдали от семьи и родной страны. Также я быстро осознала, что цена свободы очень высока и, самое главное, что свобода весьма относительна. В то же время именно во Франции я почувствовала себя по-настоящему счастливой — у меня замечательные муж и сын, возможности самореализации. Поэтому моя «ссылка» приобрела смысл, я отбросила сожаления и сомнения.

— Пьер, что значит быть современным композитором, пишущим классическую музыку во Франции?

П.Т.: На самом деле сложно ответить на этот вопрос, потому что я работаю по всему миру. Современный композитор во Франции, как и везде, наверное, должен

уметь делать выбор. Бессмысленно вычеркивать наследие классической музыки или примыкать к авангардистам... Для меня очень важно быть искренним в том, что я делаю. Свобода думать и создавать одновременно безгранична и лимитирована, в конечном счете мы должны нести ответственность за сделанный выбор и избегать сражений с ветряными мельницами а-ля Дон Кихот. Моему поколению повезло жить во время эстетической революции. Мы на бешеной скорости пронеслись от непримиримого авангарда к эстетике постромантизма, которая сопровождает все открытия цифрового искусства и особенно аудиовизуальные технологии.

Я поздно начал заниматься музыкой, в 20 лет, и в основном мое обучение проходило за границей. Я открыл для себя сотни разных миров, направлений, сохранив при этом большое уважение к народной музыке и к музыкальному наследию в целом. Я много думал над проблемой «идентичности» в музыке. Сейчас работаю на всех континентах — от Норвегии до Бразилии, в Центральной Азии и Африке. Мне невероятно повезло реализовывать вместе с музыкантами со всего мира самые необычные проекты.

— Поэт Генри Лонгфелло назвал музыку универсальным языком человечества, объединяющим людей. Георг Гендель стремился не развлекать слушателей, а сделать их лучше. Как вы считаете, есть ли у музыки миссия, и в чем она заключается?

П.Т.: Да, я думаю, что музыка имеет очень важную и особенно нужную в наше время миссию. Главная черта этого уни-

версального языка — возможность избавиться от произнесения слов, и поэтому музыка никогда не ранит другого, друг он или нет. Она может играть значительную роль посла и культурного посредника. В ее власти строить мосты между различными культурами, устанавливать или восстанавливать диалог. Я убежден, что музыка имеет и очень большое политическое значение в современном мире.

— Какое место занимает театр (драматический, оперный) в духовной жизни современной Франции? Это престижное проведение досуга или серьезный разговор о жизни?

Г.К.-Т.: Для меня опера — одна из самых серьезных вещей в жизни! Она постоянно звучит у нас дома, когда я работаю, готовлю — в общем, всегда. Хотя мой муж композитор, я понимаю, что иногда он хочет побыть в тишине. (Смеется) Мне потребовалось больше времени, чтобы стать оперной певицей, может быть, потому, что научная карьера лингвиста требовала от меня скрупулезной работы над текстом...

Сейчас мы с большим удовольствием ходим в театр всей семьей, часто берем с собой нашего сына Маттео, которому девять лет. Он тоже очарован музыкальной вселенной. Не буду говорить о престижности, хотя регулярные походы в театр стоят дорого. Это прежде всего мир, в котором можно укрыться от обыденной жизни, и в нем есть место как радости, так и грусти. Но в конечном счете самым важным оказывается то, что благодаря театру и музыке у нас рождается потребность размышлять на серьезные темы.

П.Т.: Во Франции театр любят больше, чем оперу. Театр — это детище французской культуры. Нам нравится повторять, что французы — потомки Мюссе и с молоком матери впитали в себя мир литературы. Мы, французы, в душе все-таки не музыканты... Опера во Франции сохранила оттенок светскости, что на самом деле имеет историческое объяснение. Публика очень или даже слишком часто ждет разбора критиков, чтобы сформировать собственное отношение, и это происходит в большей степени из-за стремления к консенсусу, чем из-за отсутствия своего мнения. От французов можно услышать, что они ходят в оперу, как на партию в гольф. Но для композитора, конечно же, это серьезный разговор о жизни, правда приправленный светскими условностями, которые порой убивают

искренность. Театр, опера, даже цирк позволяют совершить революцию без пролития крови. Это больше, чем духовная практика, — это священнодействие. Благодаря Грете я открыл для себя прекрасный мир оперы. Я долгие годы наблюдал за ее любовью и страстью к этому виду искусства. И сейчас сам пишу оперу. Для любого композитора это один из самых удивительных жанров.

— Наше время невозможно представить без интерпретаций. Многими зрителями восторженно принимаются новые яркие, нередко эпатажные формы, синтез жанров, образы и смыслы, отсутствующие в первоисточнике. Как вы относитесь к такому взаимодействию с классикой?

П.Т.: Мне посчастливилось учиться у больших Мастеров, будь то композиция, оркестровка, нотная запись или эстетика. Я многим им обязан, и в особенности насыщенной любознательностью и трудолюбием. Я много думал о новых подходах к созданию спектакля. На мой взгляд, это один из важнейших вопросов, касающихся будущего. Нет ничего однозначно нового или устаревшего. Нужно найти баланс между вчерашним, сегодняшним и завтрашним днем, и этот поиск действительно увлекает! Я не люблю провокацию ради провокации, тем более если единственная ее цель — скрыть отсутствие смысла.

С парой друзей мы создали центр цифрового искусства — www.kords.fr. Мы пытаемся понять, как можно использовать новые технологии, сохраняя основы спектакля. Думаю, этот путь стоит пройти. И самый таинственный вопрос в том, живой это спектакль или «виртуальный». Когда собираешься построить здание, можно сказать все, придумать что угодно, все просчитать, но фундамент как был всегда внизу, так и останется. Нельзя отрицать наследие прошлого — это было бы глупо. Вместо этого лучше задуматься о развитии восприятия и избавиться от зуда бесконечных новаций.

Г.К.-Т.: Я не так активно участвую в этом процессе, потому что я в большей степени исполнитель. В научной деятельности я разделяю позицию Пьера, но как певца с радостью думаю о том, что классический концерт будет всегда. Именно классика позволяет артисту стать профессионалом. Невозможно описать словами чувства, которые я испытываю, когда выхожу на сцену! Пьеру сложно это понять,

потому что композитор остается немного инкогнито. Даже сидя в зале он любит, когда его не узнают. Он погружается в музыку и наслаждается ею. В эти минуты в нем просыпается мрачный романтик. Он сохраняет вокруг себя особую творческую ауру. *(Улыбается)*

— *Вы — знаменитая творческая семья. Какие качества помогают вам сохранить баланс возвышенного и земного?*

П.Т.: Самое главное, на наш взгляд, знать, на кого можно положиться в жизни. Оглядываясь назад после долгой и упорной работы, достигнув успеха, понимаешь, что все это стало возможным только благодаря тому, что ты сумел сохранить подлинные ценности. И семья — одна из наиболее важных ценностей, как и любовь к ближнему. Нужно поддерживать в себе энтузиазм и оптимизм. Невежество сегодня — самое большое зло на земле. Необходимо воспитать в будущих поколениях тягу к знаниям, терпение и удовольствие от познания, уважение к другим, и тогда человек сможет стать свободным. Все это требует кропотливой работы. Но такую цену придется заплатить, чтобы в будущем жить в мире и согласии. Мы убеждены в этом и делаем все, чтобы наш сын разделял такое отношение к жизни. Мы очень гордимся им, потому что он соединил в себе нас обоих. Пожалуй, вот ответ на ваш вопрос: сохранить баланс возвышенного и земного нам помогает радость от того, что ребенок растет на наших глазах, и мы стараемся дать ему счастливое будущее. Маттео — самый чудесный плод нашего совместного творчества!

— *Вы много путешествуете по миру, гастролируете. Знакомство с новыми культурами расширяет сознание, помогает лучше понять природу человека и наладить с ним диалог. Какие самые главные открытия вы для себя сделали?*

П.Т.: Чем больше путешествуешь, тем больше открываешь для себя нового, но также понимаешь, насколько мало, в сущности, знаешь. В разных странах образ жизни людей, понимание жизни и вещей очень отличаются. Говорят, что путешествия формируют молодежь... Прежде всего ее формирует терпимость, которой в современном мире катастрофически не хватает. Я люблю узнавать разные культуры. Я всегда проделываю огромную работу, чтобы в моей музыке зазвучала душа той или иной страны. Благодаря этому мой собственный культурный уровень и мировоззрение расширяются.

Что касается самого удивительного открытия, которое я делаю из путешествия в путешествие, — это то, что люди путешествовали с незапамятных времен и именно они создали универсальную культуру, ставшую базовой для всего человечества. Я увидел очень крепкие связи, например между странами востока и запада, севера и юга. Именно на основе этой общей культуры мы можем научиться жить вместе и уважать друг друга. И вместе строить будущее. А еще я открыл для себя, что безумно люблю путешествовать с семьей, потому что только то счастье можно назвать полным, которым делишься с другими.

Г.К.-Т.: Я путешествую немного меньше Пьера. Но я регулярно участвую в сольных концертах, а в последнее время, с учетом развития моей академической карьеры, меня часто приглашают на конференции в разные страны. Кстати, в мае я с удовольствием приеду в Россию, в Архангельск. В такие моменты я понимаю, насколько мне повезло: я открываю для себя мир и культуру стран, традиции, кухню, и я убеждена, что знания всегда способствуют укреплению мира. Я приглашаю студентов чаще участвовать в программе академического обмена Erasmus, потому что, когда узнаешь другого, не возьмешь в руки оружие. Я — мама и очень волнуюсь за ребенка. Маттео часто сопровождает нас в поездках. Мы считаем, что это ему только на пользу.

— *Вы не раз говорили о том, что на вас большое влияние оказала русская культура. Чем для вас притягательна загадочная русская душа и музыка?*

Г.К.-Т.: Это вопрос для Пьера! *(Улыбается)* Моя славянская душа сразу же растопила его сердце — французы очень восприимчивы к славянскому очарованию. *(Смеется)* Знаете, когда Пьер первый раз пригласил меня к себе домой, он устроил ужин с самоваром, хохломой и чайным сервизом Екатерины II. Это было так трогательно! *(Улыбается)* Если серьезно, для меня русская культура несет в себе что-то глубоко человеческое, то, что мне очень близко, правду и искренность, которые мне тоже свойственны. Я это чувствую, когда встречаю русских во Франции, и с ними, как правило, у меня сразу же завязывается крепкая дружба. Угадываются общие вкусы и чувства, ведь, как гласит поговорка, мы на одной волне.

П.Т.: Да, это правда, у Греты много русских подруг, она их обожает и приглашает на наши посиделки, которые мы назвали «русские вечера в семье Тилой». Мы слушаем русскую музыку, едим русские блюда (приготовленные полячкой!) и пьем русские напитки. Думаю, нет смысла уточнять, что речь идет не только о чае! *(Смеется)* Меня очаровывает природная сила русской музыки, как если бы вулкан проснулся на ваших глазах. Какая-то прямота без интеллектуальных изысков, которые так любят французы. Для меня тайна русской души — в едва уловимом соединении невинности, чистоты и неистовой страсти. Когда я слушаю русскую музыку или читаю о ней, то испытываю странное ощущение — как будто я впитываю энергию, во мне что-то пробуждает-

ся, возможно, какой-то другой человек. Ницше назвал бы его «сверхчеловеком»... В моей жене есть эта невероятная славянская сила. Поэтому я с каждым днем все больше люблю ее. Может быть, во мне тоже живет славянский дух. *(Улыбается)*

— *Многие русские писатели, артисты, музыканты, художники были духовно связаны с Францией, считали ее своей второй родиной. Это тесное взаимодействие дало жизнь значительным произведениям мирового искусства. Насколько сейчас «русская мысль» присутствует в культурной жизни Франции?*

П.Т.: Франция всегда вызывала интерес у творческих людей из разных уголков света. Особенно во времена Стравинского и Русских сезонов, которые собрали невероятное количество единомышленников. Сегодня Франция очаровывает по несколько другим причинам — своей кухней и винами. Глобализация и индивидуализм смешали карты. Проблема и в СМИ, которые одновременно нас сблизжают и разобщают, что странным образом ослабляет нашу любознательность, желание перемещаться в пространстве и делать открытия. Мы должны остерегаться глобализации, которая мешает нам быть собой.

В «русской мысли» заложено восхищение Францией, возможно, потому, что раньше дипломатическим языком в России был французский. Связь между нашими странами по-прежнему крепкая. Думаю, что «русская мысль» связана с жадной знаний, жадной жизни, фатальностью, которая помогает добиться в творчестве предела лиризма, яркой вспышки. Но чтобы понять до конца, какую роль играет «русская мысль» в современной Франции, я думаю, нужно подождать — увидим это через 30 или 40 лет!

— *Зритель в России всегда считал французских артистов как бы «своими», родными и любимыми с детства. Такая открытость другой культуре очень нам свойственна. Что думают о нашем искусстве французы? И меняются ли их представления о нас с течением времени?*

П.Т.: В поездках понимаешь, что у нас, французов, сложилась репутация учителей. *(Улыбается)* Мы лелеем в себе плохой характер, и он в конечном счете придает нам особый шарм. Мы очень замкнутые, даже стеснительные. Например, традиция тоста не очень понятна французам. Способность открыть свое сердце — очень редкое качество. Наверное, поэтому русские лучше понимают других. Не знаю, что думают французы о вас. Не нужно путать то, что показывают по телевизору, и то, что есть на самом деле. Уверен, что Франция всегда тянулась к России, и это взаимно. Мы ближе друг к другу, чем может показаться на первый взгляд. И французы знают российских актеров. В молодости я был очарован Алексеем Баталовым и посмотрел, наверное, все фильмы с ним.

— *Вы часто бываете в России и странах бывшего Советского Союза. Как вас принимают?*

Г.К.-Т.: В любой стране бывшего СССР или соцблока я чувствую себя в своей тарелке. Возможно, это происходит из-за общности культуры и воспитания. Это мир моего детства и юности. Взаимопомощь была для нас в порядке вещей. Наверное, как раз это удивляет и восхищает Пьера.

П.Т.: Прием, который оказывают у вас, всегда поражает западного человека. Есть незыблемое правило — отдавать все лучшее гостю. С вашим гостеприимством

ничто не может сравниться. И Грете оно тоже присуще. Когда мы готовимся к приходу гостей, стараемся устроить настоящий праздник. Мне очень приятно видеть ее счастливой. В странах бывшего СССР любой гость становится почти что самым дорогим человеком. И это не проходит бесследно. У иностранца возникает ответное желание чем-то поделиться, чтобы поддержать эти теплые отношения и дружбу. Пережив такие чудесные минуты, влюбляешься в ваши страны.

— *Во Франции живут и работают многие наши соотечественники. Как они вписываются во французскую культурную и общественную жизнь? Что они привносят нового и нужного вам?*

Г.К.-Т.: Они привносят гуманность в работу. Как если бы все было проще в профессиональном плане, так и в личных отношениях. Они полностью выкладываются на работе, не жалея сил. Мы оба обожаем работать с вашими соотечественниками. Многие из них стали нашими друзьями. Мы их притягиваем как магнит.

— *Создается впечатление, что политика все больше разъединяет людей. На ваш взгляд, музыка, театр могут стать способом примирения людей в наше непростое время?*

П.Т.: Да, искусство позволяет сохранить связи. Музыка и театр учат думать и не доверять тому, о чем говорят с экрана телевизора. Музыка даже в большей степени, чем театр, потому что ей не нужны слова, чтобы выразить себя и продолжить диалог.

— *С кем из русских композиторов, исполнителей, живущих сейчас или раньше, вам хотелось бы поработать? Есть ли у вас творческие планы на этот счет?*

П.Т.: Я бы хотел поработать со многими артистами. Звучание русских оркестров просто восхитительно. Мариинский театр, петербургская Филармония, маэстро Гергиев и Темирканов — это живые легенды, наследники Светланова и Мравинского. Я часто представляю себе разговор со Стравинским, Шостаковичем, Чайковским, Толстым, Достоевским и многими другими. Кто бы отказался поработать с такими выдающимися людьми?

На данный момент у меня нет сформулированных планов работы в России, но в нашей профессии все очень быстро меняется. Я сейчас пишу крупное симфоническое произведение к 400-летию юбилею бразильского города Белен, другое — для друга, дирижера из Баку, куда я часто приезжаю по работе вот уже 15 лет. Меня ждет серия концертов в Норвегии, а еще — интересный проект с дирижером Александром Вакульским. Немало планов, но для России у меня всегда найдется время! Мечтаю услышать одну из моих симфоний, например, в Мариинском-2. Так что поживем — увидим.